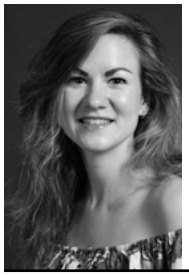
ская язва. Когда она снимала повязку, видна была кость. Бабушка Женя начала меня учить чтению, рисованию, нотной грамоте. В четыре года я уже хорошо читал.

Вспоминается такой эпизод. Меня записали в библиотеку в ДПШ, который открылся сразу после войны в помещении дворца Великого Князя Алексея Александровича на Мойке, 122. Теперь там Дом музыки. Я пришел поменять книжку со сказками. Библиотекарь сердито заметила, что я беру книжки, чтобы рассматривать картинки. «Нет, — ответил я, — чтобы читать». — «А, ну прочти, что здесь написано», — ткнула она пальцем в раскрытую страницу. Я свободно прочел… А вот расписываться не умел, и ставил только заглавные печатные буквы имени и фамилии.

Своим бабушкам, родным и двоюродным, я обязан тем, что выжил в начале 1942 года. Они отдавали нам последнее. Например, моя двоюродная бабушка Мария Константиновна Некрасова поменяла золотую цепочку от нательного креста на четвертину хлебной буханки, чтобы покормить нас с братом. А маме и брату, у которого вырос, в прямом смысле слова, на шее, обязан всей своей жизнью. Мама постоянно повторяла, чтобы Миша не спускал с меня глаз на улице, ведь меня могли украсть и съесть. Поэтому, выходя из дома, брат сажал меня на плечи и не снимал до возвращения домой.

Много еще испытаний выпало на долю нашей семьи — и в послевоенные годы тоже. Но мама всегда говорила: «Пережили блокаду, переживем и это».



Анастасия Башмакова,
Светлана Загребина

Война казалась мне игрой…

«Детство мое было до войны очень счастливым», — говорит Владимир Ефимович Васильев.

Ему было всего одиннадцать лет. Война настигла юного мальчика в пионерском лагере.

Я родился случайно

Отец мой, Ефим Васильевич Васильев, русский, а мама — еврейка. Семья матери выступала против ее замужества. Поэтому мама бежала из дому…

Об этом мне рассказала мамина подруга, когда я был уже взрослым.

Родился я в городе Белая церковь на Украине. В 1932 году начался знаменитый голодомор, моего отца исключили из партии, и мы переехали в Ленинград.

В пионерском лагере сообщили о начале войны

В таком романтичном возрасте мне казалось, что война — это игра, забава... Мальчишки ведь любят играть в войну. Тогда я еще не понимал, что нас ждет.

Отец ушел добровольцем, и мы остались вдвоем с матерью. Жили в комнатке коммунальной квартиры. У нашей соседки была племянница, которая хорошо рисовала, я, глядя на нее, сам начал рисовать. Я даже пошел поступать в Академию художеств им. И. Е. Репина. Соседку приняли, потому что она хорошо рисовала, а меня приняли, потому что туда никто не ходил.

Однажды мы возвращались домой. Налет был на знаменитые Бадаевские склады, немцы сбросили на них зажигательные бомбы.

Именно в этот момент отец приехал на побывку, всего на один день. Немцы уже подходили к городу, они были под Лугой. Чтобы не наводить

панику на население, отцу велели сказать, что немецкий десант в Луге уничтожают. Я так и сказал соседям.

Ой, меня чуть не съели, когда немцы подошли! На меня все жители дома накинулись: «Ты скрывал от нас, не говорил, что придут!».

Ничего не было

У нас с мамой был котелок, точнее, бидончик. В нем мы хранили накопленное масло. Мне это масло больше всего запомнилось. А больше ничего и не было.

Разграбили магазины с последними оставшимися продуктами. Все наши соседи были рабочими из совхоза, жили они в очень тяжелых условиях, в бараках, и их настроения вполне понятны.

Дальняя родственница моего отца, тетя Люба, была в ГУЛАГе, и потом ее преследовали. Моя мама помогла ей устроиться в совхоз. Это впоследствии сыграло спасительную роль в жизни нашей семьи. Тетя Люба выручила маму. Но об этом позже.

В то, что немцы не возьмут Ленинград, уже никто не верил, потому что наши быстро отступали. И знаете, так страшно было: выходишь, а все горит.

Мне моя соседка советовала сходить в Русский Музей, когда кончится война, и посмотреть картину Брюллова «Последний день Помпеи». И действительно, когда я все-таки попал в этот музей, первое, что я сделал — нашел эту картину…

В Ленинграде все кругом горело. И настолько ситуация казалось гибельной, что никто не верил, что немцы не победят.

Мы отправились на родину отца

Это была военная зона. За реку Луга был запрещен проход, там дежурили немецкие постовые. Но мы все-таки решились и пошли.

В паспортах тогда указывали национальность. По национальности я — еврей. А имя мамы — Исфирь. Мы сначала хотели выжечь эти места в паспортах, свалить все на пожар, но потом передумали — и правильно сделали.

По дороге к нам присоединилась девушка, молодая учительница. Она шла на родину в Белоруссию и боялась идти одна. Втроем мы неплохо выглядели, все-таки мама моя была постарше, ну а я — маленький мальчишка…

Мы шли в сторону Луги и тащили на санках вещи, которые успели собрать. Были у мамы новые туфли — очень смешные какие-то, и отрез на платье. Моих вещей практически не взяли, и сам я был в худом пальтишке. Я потом отморозил себе ноги и руки, тогда, зимой 1941 года, ударили страшные морозы.

Наконец, мы пришли на родину отца. Дошли мы до дома моей тети. Они с мужем очень перепугались, потому что были партизанскими связными: собирали сведения о расположении немецких войск в Стругах Красных. Поэтому не могли подвергать себя опасности и не приютили нас.

Мы пошли к другой тете, Анастасии. Та вызвалась помочь маме выправить паспорт. Для этого нужно было прийти к старосте и подтвердить, что мы беженцы. Помню, мама все переживала, словно что-то предчувствовала. Она говорила моей тете: «Может быть, я ему туфли дам… для жены его»… Тетя отвечала: «Ничего не надо, он и так все сделает».

Мама ушла, а я остался. Вдруг она возвращается и забирает меня с собой. Потом я понял: тетя хотела, чтобы маму мою схватили немцы и убили, а я остался бы с ней и ждал возвращения отца.

Мама рассказала, что староста сначала сам пошел к начальнику-немцу, а потом она. Как только она туда вошла, он сказал: «Юдин!» (т. е. «еврейка»). Она ответила: «Найн». Немец ударил ее и сказал, чтобы ее духу здесь не было. Удивительно, что он ее вообще отпустил.

Помощь родственницы

Когда мы вернулись в свою старую коммунальную квартиру, там вдруг оказалась та самая тетя Люба — дальняя родственница отца, которую мама в свое время определила на работу в совхоз. Тетя Люба помнила о том, что мама ей сделала добро, и организовала ей свидетельство беженки.

Маме оформили паспорт с русским именем: Екатерина Григорьевна, и фамилией моего отца — Васильева. Она стала работать дояркой в деревне, за двадцать километров от меня. Я изредка ее навещал.

Весной дорогу размывало так, что нельзя было пройти. Мне говорили: «Ты не пройдешь, там все размыто, дороги нет»… А я все порывался идти, с таким нетерпением ждал встречи с мамой…

Я мог бы написать роман о дореволюционной жизни в России

Вскоре мама нашла работу себе и мне в деревне Деменино. Нас взяли в пастухи.

Будь у меня литературный талант, я бы обязательно написал роман о дореволюционной жизни в России.

Там, в деревне, девушки устраивали супрядки (от слова «прясть»). Приходили с прялками в избу, одна девушка ставила керосиновую лампу, все садились на лавки, расставленные вдоль стен, и пряли.

В нашей деревне можно было увидеть и молодых парней: наши так быстро отступали, что не успели мобилизовать молодежь.

Мама обслуживала одну половину деревни, я — другую. Прихожу я в дом, хозяева меня утром будят пасти коров, там же и ночую, и обедать прихожу тоже к ним… Более того, они мне новые портки смастерили, я был в домотканых портках, и рубашка у меня была.

Самые страшные моменты

Был такой случай. Жил у нас в деревне Фадей. Он пошел закапывать от немцев картошку (ее закапывали на зиму, чтобы какую-то часть сохранить). Немцы его увидели, сразу «сцапали», и когда он проходил дом соседа по имени Сперко, только и успел сказать: «Прощай, Сперко». Его вывели за деревню и расстреляли.

Когда немцы возвращались назад, соседка закричала: «Что ж вы расстреляли невинного человека?» На моей памяти это был единственный случай, когда немцы остановились, чтобы составить протокол убийства.

Пока они составляли протокол, я подошел к дому — и вижу: их пулеметчик целит в меня. Бежать невозможно, да и некуда... А дело в том, что я был подпоясан парашютными шнурами.

Взяли они меня и подвели к начальнику отряда, это был самый страшный для меня момент. Там был переводчик с русского языка. Пока меня допрашивали, немцы подходили, щупали эти шнурки и говорили, что меня партизаны прислали.

Надо сказать, что в это время многих хватали и отправляли в Германию на работу. Могли и расстрелять. В соседнюю деревню приехали немцы и спросили, были ли там партизаны. Им ответили, что нет. А они в амбаре обнаружили патроны. Согнали все население, закрыли в одном доме и сожгли.

Мне до сих пор кажется, что тогда мне помог переводчик. Когда допрос закончился, он мне сказал: «Идите».

Иду. Вот первый дом, где жил убитый Фадей. Вот второй, где жил Сперко, с которым попрощался убитый. И в конце дороги — мой дом… Мне было так страшно, что я не дошел до него: свернул возле дома Сперко и удрал. Все казалось, что вот-вот сзади настигнет меня пулеметная очередь.

Партизаны всегда были рядом

В нашем лесу была партизанская бригада — «Герман». По имени ее командира Германа. У того отец был немец, а мать — русская. И он воевал на стороне Советского Союза. Если эта бригада останавливалась в

деревне, то все себя спокойно чувствовали. Знали уже, что, если немцы придут, наши будут держать бой, а жители сумеют убежать и спрятаться. Я дружил с партизаном, он всегда ко мне подходил, беседовали. Позже я узнал, что партизаны попали в окружение. А они никогда не сдавались в плен к немцам, их ведь пытали и расстреливали. Партизаны в последний момент лимонки под себя подкладывали…

И этот парнишка так подорвался. Хоронили его в соседней деревне…

У старосты нашей деревни был сын, который очень хотел уйти к партизанам. Но поскольку он боялся за родителей — что деревенские его могут выдать немцам, и родители пострадают — партизаны однажды инсценировали, что они забирают его силой.

Пришел партизан и говорит: «Позевитский Николай здесь?». Тот, бледный, как полотно, выходит: «Здесь». — «Собирайтесь!» — ему говорят.

Все думали, что его увели на расстрел за что-то. Мы очень переживали за него…

Но потом партизаны вошли в деревню, и с ними был и этот Николай.

Немцы жгли деревни

Я все ждал прихода наших. Немцы, когда почувствовали, что партизан очень много, решили лишить их экономической базы, стали жечь деревни.

Я один был с коровами, смотрю — из одной деревни все куда-то в панике бегут, из другой бегут… Вдруг все запылало, со всех сторон. Потом небо потемнело…

Мне стало по-настоящему страшно. Тут один крестьянин пришел и сказал, что немцы все сожгли. Я начал расспрашивать про маму, но он не знал, где она.

А мама спряталась в песчанике у реки, отсиделась. Потом рассказывала, что ей тоже было страшно. Рядом слышалась немецкая речь. А немцы объявили, что тот, кто не эвакуируется, уже считается партизаном…

Но кое-кто остался, как и мы. Построили землянки, и полтора, два года мы жили в землянках.

Однажды немцы опять пришли, нашу землянку облили бензином и подожгли. Мы с мамой решили бежать дальше. Всю ночь провели на улице, и уже под утро, когда я отморозил себе руки и ноги, увидели несожженные деревни. Так далеко мы ушли.

Очень радовались… Все

Мы шли в сторону Ленинграда. Сначала шли, потом ехали. А в Ленинград тогда пускали только по пропускам. У нас никаких пропусков не

было, и ревизор высадил нас на последней остановке перед Ленинградом. Это была станция «Детское село», г. Пушкин.

Когда мы вышли, то увидели, что вокруг ни одной души: пустая улица, полуразрушенный город. Мы решили остаться там. Нашли две комнатки в коммунальной квартире, недалеко от Александровского парка.

Там и жили. Потом отец вернулся из армии, устроился управхозом в Пушкине и выхлопотал нам отдельную квартиру.

О победе я узнал в школе города Пушкин. Помню, как мы, школьники, до хрипоты кричали: «Ура!». Очень радовались… Все.

Дарина Боровкова,
Анастасия Золина

Выстоять. Победить. Вернуться домой

Свидерская Галина Евгеньевна в годы войны была еще ребенком. С ее слов мы записали эту историю.

Я родилась в 1931 году. Когда началась война, мне было десять лет, а моей сестре — четыре года, так что мы встретили войну детьми.

Признаки приближающейся войны, конечно, были. Это понимала даже я в свои десять лет. Был так называемый «Инцидент на озере Хасан» на Дальнем Востоке. Это был инцидент с Японией. Там впервые проявил себя маршал Жуков. Была и Финская война. И, наконец, к нам пришла Великая Отечественная…

22 июня стоял прекрасный летний день. Мама одела меня в нарядное платье, вышитое ее руками. Все были счастливы и довольны, хоть и немного насторожены. Должен был выступить Молотов.

В час дня мы услышали его по радио. Он сказал, что в 4:00 началась война. Это было очень тяжелое для всех известие.

Сталин выступил только 3 июля. Он необычно начал свою речь, адресованную стране и народу: «Дорогие братья и сестры, обращаюсь к вам»...

Он сказал, что началась война, что наше дело правое, и мы победим.

Мы жили в Павловске, в тихом провинциальном городке. Кругом цвели цветы. Все были настроены на мирную жизнь, но — война зашагала по стране.

Папа не был мобилизован, как инженер высокой квалификации. Он получил бронь. Однажды мама поехала за папиной зарплатой в Ленинград и увидела, что учреждения эвакуируются… Помню, какой для мамы это был тяжелый момент, ведь она понимала: папу тоже эвакуируют, к нам сюда он уже не вернется.